

М. Я. СЮЗЮМОВ

ЗАЧАТКИ БУДУЩЕГО В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

(к постановке вопроса)

Как известно, В. И. Ленин, говоря о преемственности исторического развития, отмечал: «Да кто же не знает, что если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего?»¹.

При изучении рабовладельческого способа производства в связи с его надстройкой (оформлением производственных отношений в римском праве) невольно возникают аналогии с современным капиталистическим правом. Эти аналогии вызывают недоумение, поскольку приводят к мысли об известных соответствиях не только в надстройке, но и в экономике.

В наше время всякому историку, опирающемуся на подлинно научную марксистскую теорию формаций, представляется абсолютно немыслимым считать античное общество (в частности, римское эпохи империи) капиталистическим. Такая трактовка кажется антинаучным перенесением категорий нашей современности на далекое прошлое. Это было бы не только непозволительной модернизацией, но и явной фальсификацией истории² в духе Эдуарда Мейера.

Но с другой стороны, нам известны положения К. Маркса и Ф. Энгельса, считавших римское право «классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность», их мысль о том, что «все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений» и что дальнейшее развитие бюргерской собственности «должно было найти могучий рычаг в римском праве, в котором содержалось уже в готовом виде все то, к чему бюргерство позднего средневековья стремилось пока еще только бессознательно»³.

История средних веков показывает, какое влияние на общество имели средневековые университеты, изучавшие римское право. Особенно важно, что после победы французской буржуазной революции Наполеон принял созданный на основе рим-

ского частного права «Code civile» в качестве классического свода законов, отвечавшего потребностям капиталистической Франции. Игнорировать эти факты было бы также неисторичным.

Как же разрешить это кажущееся противоречие?

Все явления и процессы необходимо рассматривать в их движении во времени как проходящие через определенные стадии этапы развития. Любое общество основано на организации форм использования результатов человеческого труда; а в классовых обществах — на использовании в интересах господствующего класса прибавочного продукта труда. При этом слишком многое зависело от форм эксплуатации человека: было ли это рабовладение, феодальный способ производства или капитализм.

Разные формы эксплуатации часто использовались одновременно в любом антагонистическом обществе, но только одна из них являлась экономически и социально решающей, другие же выступали лишь как отмирающие или как развивающиеся, как элементы будущего⁴.

Поэтому, указывая на зарождение в Римской империи элементов, напоминающих капиталистические, мы используем также и ретроспективный метод.

К. Маркс по этому поводу писал: «Буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многосторонняя исторически организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его организации, дают нам вместе с тем возможность проникновения в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влечь за собой еще непреодоленные остатки, частью **развивая до полного значения** то, что прежде имелось только в виде намека»⁵ (подчеркнуто мной.— М. С.).

Это положение, можно сказать, и позволяет решить проблему появления элементов, напоминающих капиталистические, в античном Риме: они представляли не капитализм, а лишь отдельные элементы капитализма, созревшие лишь в дальнейшем, много позже, в иных условиях, в новое и новейшее время.

Обратимся к вопросу о том, что же представляли собой эти элементы, напоминающие капиталистические, в античном Риме?

Сущность капиталистического строя, основанного на частной собственности, широком товарообмене и развитой технике, состоит прежде всего в том, что собственник, обладающий капиталом, выраженным в деньгах, эксплуатирует труд других свободных, не имеющих собственных объектов приложения труда, по соглашению с ними как с якобы юридически равными ему лицами, уплачивая им меньше, чем стоят те товары, которые были созданы в результате их производственной деятельности. Лишь при совокупности всех этих условий можно констатировать наличие элементов капиталистических отношений.

Можно ли в связи с этим утверждать, что в Римской империи также имело место в практической деятельности людей функционирование подобных элементов? Рассмотрим эти явления по порядку.

1. Охрана частной собственности всегда стояла здесь в законодательстве на первом плане (квиритская, латинская, провинциальная собственность) вместе с указанием на степень свободы собственника. Понимание собственности в Римской империи (а если судить по главному объекту собственности в рабовладельческом мире — рабу, то это была **полная наследственная собственность**, ограниченная лишь государственной регламентацией) не отличалось в основном от понимания частной собственности при капитализме⁶. С 212 г. н. э. к тому же все свободные люди считались в сфере частного права равными друг другу⁷. Только «наводнение Западной Европы германцами, — писал Ф. Энгельс, — устранило на столетия все представления о равенстве, создав постепенно социальную и политическую иерархию столь сложного типа, какого до тех пор еще не существовало»⁸.

2. В Римской империи как во внутренней, так и во внешней торговле с далекими странами осуществлялся широкий товарообмен, имелось и развитое **предпринимательство**⁹.

3. Римские собственники обладали крупными средствами (земля, дома, сырье, суда, предметы роскоши и в особенности — деньги)¹⁰.

4. Все сделки между свободными лицами оформлялись в соответствии с регулируемыми государством соглашениями¹¹. Раб, считавшийся вещью, не мог быть субъектом права. Он мог проявить в обществе активность только с соизволения господина и при ответственности господина. Все результаты труда раба были доходом господина¹².

5. Все сколько-нибудь серьезные соглашения оформлялись с оценкой взаимных обязательств в денежном выражении (*emptio-venditio, locatio-conductio, creditor-debitor*), т. е. в цене¹³.

6. Получение прибыли, т. е. факт эксплуатации свободных лиц, считалось естественным¹⁴.

7. Политическая власть, функции управления осуществлялись в основном богатыми собственниками империи¹⁵.

8. Наемный труд существовал, официально оформляемый законодательством, со всеми противоречиями, присущими этому институту и при капитализме¹⁶. В отдельных производственных отраслях имелись и объединения работников в соответствии с техническим разделением труда, напоминающие мануфактуру¹⁷.

9. Имело место использование результатов научных изысканий в производственных целях, в строительстве и в военном деле (Колумела, Плиний Старший, Витрувий и т. д.)¹⁸.

10. В отношениях между производством и потреблением господствовала анархия, сходная с «анархией производства» при

капитализме и вызывавшая частые выступления народных масс¹⁹.

11. Существовала и господствующая идеология, пронизанная идеей патриотизма²⁰ и связывающая воедино римско-греческое этническое чувство с культом правительства, которое фактически являлось идейным обоснованием и гарантом интересов господствующего класса в целом.

12. Развивалась уже и критика этого строя в форме сатирических сочинений, высмеивающих общество того времени, и в форме философских доктрин²¹.

Несмотря на приведенные параллели, при изучении всех этих реальных явлений приходится самым решительным образом подчеркнуть **коренное отличие** римского общественного строя от капиталистического, каким он был уже на начальной стадии, в XVII в. В самом деле:

1. Поскольку собственность на вещь в римском праве считалась **естественной** (Инст., II, 1, 9), понятие собственности, сформулированное римскими юристами II—III вв., действительно, **в теории**, в основном соответствовало капиталистическому. Однако все явления надлежит рассматривать с учетом стадии их развития. И здесь неизбежно возникает вопрос — почему же в Риме наличие известных предпосылок (разорение крестьянства, например) привело не к капитализму (при тех же, казалось бы, представлениях о собственности), а к развитому рабству? Все дело, видимо, в том, что рабство более отвечало **реальным** экономическим условиям, а частнособственнические отношения в производственной деятельности не достигли полной зрелости.

В силу известной диалектической закономерности перехода количества в новое качество, укрупнение хозяйства фамилии, захваты пленных, развитие организации труда рабов — все это привело патриархальное рабство к его новой, развитой стадии. Затем, в результате бурного роста культуры, **высококвалифицированный раб** стал осознавать свою ценность и стал поэтому опасным для господина. И вновь количество перешло в новое качество: отдельным рабам стали поручать надзор и распорядительные функции, а массам рабов предоставили возможность трудиться заинтересованно, с проявлением самостоятельности (пекулий, статус типа колоната). А это означало возникновение тенденций к переходу на феодальный путь развития (IV—V вв.).

Собственность в Римской империи оставалась относительно мелкой. Даже при концентрации крупных богатств **не возникало капитала, организующего крупное производство**. Это богатство складывалось из доходов рабовладельческих хозяйств. Сама собственность в условиях рабовладельческого хозяйства приобретала особый характер: поскольку изолированный рабовладелец был бы совершенно незащитным перед массой своих рабов, постольку он должен был иметь опору в свободной плебейской бедноте. Поэтому собственность рабовладельца оказалась свя-

занной с разного рода материальными обязательствами перед обществом, особенно перед плебсом, и в существенной степени зависела от политики государства. Провозглашение в 212 г. гражданского равенства всех свободных подданных отнюдь не отменило привилегированного статуса богатых в отношениях *honesti — humiliores*.

Предпринимательство, хотя и широко распространившееся, оставалось относительно мелким, редко принимающим характер расширенного. Для представителей низов общества (вольноотпущенников) предпринимательство служило средством проникновения в высокие социальные сферы. Поощрение предпринимательства зачастую имело целью направить активность лиц из низов на путь легальных методов обогащения, отвлекая их от социальной борьбы.

2. Товарное хозяйство, внутренняя и внешняя торговля, сравнительно с эпохой нового времени, имели скромные масштабы. Крупное товарное производство, оптовые закупки выступали лишь в зачаточном виде.

3. Богатства, получаемые от предпринимательства, обычно расходовались на роскошь, использовались в политических целях, но не на расширенное воспроизводство.

4. «Добровольные» соглашения зачастую были сопряжены с политической и экономической зависимостью (клиента, патронат, прекарий, долг).

5. Хотя юридическое оформление соглашений в денежном выражении имело место, сохранявшие существенное значение натурально-хозяйственные отношения нередко приводили к замене денег соответствующими продуктами труда, что практически ослабляло роль денежного капитала.

6. Положение права о «естественности» **стремления к наживе** являлось уже как бы элементом защиты существующих форм эксплуатации, зафиксированных в заключенных соглашениях.

7. Богатство давало возможность обретения власти, но превращение возможности в действительность тормозилось традициями правовых привилегий знати на управление государством, произволом императора и упадком демократических институтов на местах²².

8. Наемный труд использовался по преимуществу лишь как дополнительный, в случаях недостатка или дороговизны рабов и их содержания, причем главным образом в сфере услуг потребительского характера²³. Производственная же роль наемных работников заключалась только в эпизодическом их использовании в сельском хозяйстве, строительстве, судостроении и судоходстве, но и тогда положение дел существенно осложнялось натуральными, трудовыми повинностями в пользу государства.

9. Если наука в Римской империи и применялась в производстве, то внедрение научных достижений, с одной стороны, было связано с рабовладельческим характером управления производ-

ством, а с другой — тормозилось презрением к производительному труду среди свободных. В земледелии роль науки сводилась к учету метеорологических «примет»²⁴.

Для представителей господствующего класса античного общества наука выступала в качестве объекта роскоши, занятием которой (наукой) знатная молодежь могла гордиться точно так же, как дорогим ожерельем; для лиц же из низов наука служила средством социального продвижения. Ювенал высмеивал стремление приобщиться к греческой культуре, особенно старания женщин походить на гречанок (Ювен., III, 60 и сл., VI, 176). Отмечая стремление молодежи к науке, сатирик тем не менее был в отчаянии от приниженного положения учителей (VIII, 175), которых знатные ученики даже избивали (VII, 203, сл.).

10. В военном деле, при особых потребностях императорского двора, отчасти в организации зрелищ наблюдалась некоторая плановость. Но и в этих случаях производством конкретно руководили откупщики, которые при выполнении поручений преследовали личные цели. Все же остальное производство велось стихийно, удовлетворение потребностей носило анархический характер — оно регулировалось **лишь силою традиций античного города, заинтересованного в спокойствии народных масс.**

11. Влияние античной религии на общество нельзя переоценивать, поскольку она не имела такой организации, которая была характерна для христианства. Каждый жрец, поэт и философ мог создавать свои догматы морали и модели образа жизни. Более устойчивы были обычаи, возникшие в трудовой деятельности масс и оформленные олимпийской религией. Эти обычаи христианству впоследствии пришлось переосмысливать.

12. Нельзя сказать, что рабовладельческая интеллектуальная верхушка не сознавала недостатков своего общества (назовем хотя бы Апулея, Ювенала, Тацита, Петрония). Однако настоящая глубокая оппозиционность возникла только тогда, когда стала проявляться экономическая невыгодность рабовладельческого способа производства. При этом подлинные причины критики общества не выступали наружу, а оппозиция нередко обрушивалась на достижения античной культуры, толкая общество порой не к прогрессу, а на путь культурной деградации и упадка. Традиции демократии выражались в создании особых сообществ (оппозиционного и легального направления) по преимуществу в спорте и религиозной догматике (спортивные организации — димы; религиозные секты).

Таким образом, проведенное сопоставление приводит к констатации того, что в Римской империи действительно, с одной стороны, было немало явлений и институтов, напоминающих капиталистические, но с другой — они представляли собой лишь неосознанные попытки внедрения в практику как бы «забежавшей вперед» теории, причем в определенной, неповторимой обстановке. **Ни в коей мере** эти попытки не играли решающей

роли ни в экономике, ни в социальном строе. Они были слишком слабы, чтобы противостоять тенденциям к феодализации, хотя в последующем как «модели», зафиксированные юридически, имели существенное значение при переходе от феодализма к капитализму (как «отрицание отрицания», как «развитие по спирали, а не по прямой линии») ²⁵.

Перейдем теперь к проблеме **кризиса рабства** в условиях действия римского права.

Выдвижение на передний план организации хозяйства на основе **соглашения свободных лиц** вело логически к признанию «**нестественности**» рабского труда ²⁶. Во II—III вв. рабство было уже всецело регулируемым законами институтом. В общественной мысли рабы рассматривались как «естественные враги» свободных. Но считало ли общество Римской империи труд раба непроизводительным? Поскольку над рабом тяготел страх ответственности и поскольку у него теплилась надежда на освобождение, раб в эту эпоху был нередко усердным и изобретательным ²⁷. Но в условиях бурного развития культуры от рабского труда требовалась все большая квалификация, а от этого объективно производство, основанное на рабстве, становилось все более убыточным ²⁸, так как квалифицированного и дорогого раба надо было кормить, одевать, воспитывать его детей, лечить заболевших. Чтобы избавиться от этих забот, господин стал предоставлять рабу пекулий, с которого раб должен был и давать доход по усмотрению господина, и содержать себя и свою семью. Выгоднее оказывалась эксплуатация свободных по схеме *locatio-conductio*, но она зависела от срока соглашения и не гарантировала хозяина от ухода арендатора. Попытки удержать арендатора силой после истечения срока аренды до IV в. запрещались законом ²⁹. В результате землевладельцы стали отдавать предпочтение не арендаторам, а непосредственно прикрепленным к хозяйству зависимым работникам. Эта практика противоречила основным положениям юридической теории, но в сложившихся условиях состояния производительных сил она являлась экономически необходимой. С поисками выхода из противоречий выступил Диоклетиан. Он знал, что реформы вызовут недовольство в народных массах, и заявил в связи с этим: «Не нужно обращать внимание на пустые возгласы толпы» ³⁰.

В первую очередь Диоклетиан принял меры к усилению роли государственной власти в хозяйственной жизни империи, что, кстати говоря, противоречит одному из важнейших принципов капиталистического общества (свободная договоренность сторон при заключении сделок). Более не было речи о том, что в торговле естественно право каждого нажиться на обмане другого. Напротив, Диоклетиан опубликовал знаменитый эдикт о максимальных ценах ³¹, которые запрещалось переступать при любой сделке, продаже, найме. Известно, что эдикт не получил

силы, попытка не удалась, но император выдвинул в конституциях 285 и 293 гг. (К. Ю., IV, 44, 2 и 3) вместо положений права о договоренности сторон принцип *iustum pretium*, т. е. «справедливой цены». Отныне сделки, не соответствующие этому принципу, подлежали пересмотру (*laesio enormis*)³².

Новшество касалось главным образом торговли и заработной платы. Однако оно вызвало затруднения: было не ясно, касается ли новый закон таких соглашений, как *locatio*, частная срочная аренда, особенно при подряде на крупные работы, наемный труд. Сам Диоклетиан выступал и здесь как решительный сторонник соблюдения нового закона (*circa locationes atque conductiones maxima fides contractus servanda est.*— К. Ю., IV, 65, 19) 293 г. Однако это нововведение вызвало опасение правительства, не будет ли содействовать новый закон еще большему социальному усилению отдельных крупных землевладельцев и не повредит ли, таким образом, целостности государства. Особенно страшила центральную власть развившаяся практика патрониев. Появились конституции, запрещающие давление крупных собственников на *tenuiorum* (293 г., II, 13), а также старающиеся по возможности сохранить положения права о частной собственности (К. Ю., II, 14, 2 — Диоклетиан).

Крупные реформы, проведенные затем с целью изменения в характере управления, сделали возможным постепенный переход ко все более решительному искоренению элементов, напоминающих капиталистические (переход от договорных отношений господина земли со свободными работниками к организации поместья, основанного на труде зависимых людей). Подлинное начало закрепощения крестьян было положено эдиктом Константина I от 332 г. (К. Ю., 5, 17, 1; К. Ю., XI, 68). Но характерно, что колон-энапограф прикреплялся не к личности господина, а к его имению, «к земле» (К. Ю., XI, 52, 1). Фактически это делало господина как бы неполным собственником в понимании классического права, так как, по более позднему разъяснению, господин не мог продать землю без того адскрипция (энапографа), который к ней приписан, и не мог прогнать или продать адскрипция без земли (К. Ю., XI, 21, 2). Практически участок стал для крестьянина особой формой наследственного владения, уже не известного классическому праву. Собственность и владение как бы сливались. Однако эти нормы были введены для материального укрепления рабовладельческих вилл, для **поддержки рабовладельческой формации**, вся власть по-прежнему оставалась в руках того же господствующего класса. До феодализма было еще далеко. Закономерный ход развития требовал ликвидации политического господства рабовладельческого класса и самого этого класса.

В то же время наиболее глубокое и действенное изменение в сфере права произвел переворот в идеологии³³: право оказалось связанным с догмами и моралью реорганизованного в 325 г.

христианства. Вместе с тем это означало, как выяснилось впоследствии, удар по античному мировоззрению и достижениям античной науки.

Фанатичное преследование сторонников олимпийской религии привело к упадку культуры, относительному на востоке империи (в Византии)³⁴ и глубокому на западе; зарождавшееся каноническое средневековое право надолго задержало впоследствии закономерный переход от феодализма к капитализму.

Обратимся теперь к проблеме отношения императорской власти к **общественным настроениям**. После полного прекращения деятельности органов республиканской демократии, когда власть в городах оказалась в руках богатой верхушки, все проявления агитации и критики находили выражение лишь в возгласах и криках толпы. Лозунг «*рапем et circenses*» был основным для обеспечения опоры императорской автократии со стороны люмпен-пролетариата. В условиях, когда власть над городом переходила к правительственным чиновникам, необходимо было организовать выступления масс как с целью создания настроений лояльности, так и для некоторого контроля за деятельностью чиновничества.

В 331 г. Константин издал эдикт (К. Ф., I, 16, 6), по которому предоставлялось право либо порицать, либо прославлять в выкриках высших чинов государства, чтобы император мог одних награждать, а других наказывать. Центром информации и выражения общественного мнения в Римской империи стал ипподром, где вслед за обнародованием текущих распоряжений властей происходили «политии»³⁵: путем рукоплесканий, восторженных восклицаний или, напротив, резких выкриков население могло выражать свое отношение к администрации (Сократ. Церковная история, VII, 13). На практике правитель обычно подкупал группы «рукоплескателей». «За деньги все можно сделать», «деньги — дороже душ», — говорил Либаний (Речи, 49, 22, 45, 20).

Политическая оппозиция стала соединяться со спортом. Димы, как чисто спортивные ранее организации, стали теперь участвовать в коллективных выступлениях на «политиях». Вместо нестройных выкриков отдельных лиц из толпы теперь организовывались выступления от имени дима в целом³⁶. Спортивная борьба стала политической, а дим — объединением единомышленников с верхушкой из богатых во главе. В борьбе партий отдельные димы иногда лишались права *politeuesthai*. Таким образом, IV столетием можно датировать зарождение политических партий³⁷.

Поскольку важную роль в отношении партий играла позиция императора, их борьба приобретала серьезное значение в политической борьбе за власть, а в кризисные моменты жизни государства деятельность именно этих партий (вплоть до середины VII в.) становилась иногда решающей в определении кур-

са власти. Эта «демократия» димов была возможной в условиях, когда значение рабовладельческой знати упало, а феодальная знать еще не оформилась.

В сложной ситуации протекало развитие Византии в правление Юстиниана I. Реформы Константина I и последовавшее социальное законодательство содействовали углублению прогрессивных тенденций: массы крестьян, которые в эпоху расцвета рабовладения в основном лишились собственности и трудились на чужой земле «по договоренности», теперь получили некоторые юридически признанные наследственные права на землю и орудия труда, хотя и ценою унижения их «личности». Перед Юстинианом стояли важные задачи: сохранить централизацию и экономическое могущество, связанное с развитием правительственного и частного предпринимательства; создать условия для интеграции — очистить Средиземное море от пиратов-вандалов, возобновить традиционные связи с Италией и Сицилией, освободив эти земли от власти германских завоевателей; создать единое право, в котором элементы классического права были бы увязаны с социальными нововведениями³⁸.

Все это требовало усиления налогов, роста повинностей, напряжения всех сил страны, что вызвало острое недовольство правлением императора как в среде народных масс, так и в среде господствующей верхушки. Складывалась революционная ситуация. Чувство опасности социального взрыва побудило Юстиниана принять особые меры для упорядочения управления. Он сделал своей целью восстановление значенности частной собственности и основанных на ней порядков путем создания единого кодекса законов, сохраняя и систематизируя выработанную юристами II—III вв. теорию права. Принимая энергичные меры по реорганизации управления, Юстиниан несколько отсрочил социальный взрыв в обществе.

Глубокий переворот произошел в послеюстиниановской Византии. Страшные разрушения во время гражданской войны и нашествий персов, славян и арабов дезорганизовали крупное землевладение. Господа и патроны гибли в столкновениях с врагами или бежали, бросая свое хозяйство³⁹. Зависимые земледельцы избавились от господ и умножили число свободных общин. В течение VII в., благодаря расселению славян, община заметно укрепилась, упрочились и внутриобщинные связи. Община стала подлинным институтом крестьянства, выражением его самосознания, опорой при дальнейшей эволюции в феодальном мире (Byzanz im 7. Jahrhundert. Berl., 1978, S. 58—60).

Участие масс населения в борьбе против врагов нашло оформление в создании фемной системы. Сложилась новая военно-землевладельческая знать. Однако оформление феодальных институтов в Византии тормозилось фиксированными в теории права (Василики) элементами, напоминающими капиталистические.

Крепкие узы римских традиций избавили Византию от упадка юриспруденции, категории классического права по-прежнему утверждались в действительности как охраняемые законом нормы. В развившихся общинах частная собственность классического права доминировала над «трудовой» (т. е. над находящейся в наследственной аренде или держании). Закон утверждал зависимость общины по важнейшим социально-политическим и идеологическим вопросам от центральной государственной власти (Земледельческий закон). В городах-эмпориях сохранилась регулируемая правом торговля и предпринимательство. Константинополь оставался центром мировых торговых связей⁴⁰. К концу VII в. на основе норм классического права стали возникать новые товарищества (*chreokoiononiai*), нашедшие оформление в статьях Морского закона (III, 9, 17) и Эклоги (X, 5). Воспринятые из Италии, они развились в коменды и стали **в правовом отношении** исходной моделью при позднейшем переходе к капиталистическим формам морского предпринимательства. Византийские интеллектуалы высоко ценили нормы римского частного права, утверждавшие свободу предпринимательства⁴¹. И вполне объясним поэтому, казалось бы, запоздалый для XII в. ужас, с которым Никита Хониат воспринял меры Мануила II Комнина по передаче военным в пронию (условную собственность) земель со **свободными гражданами**, т. е. оформления чисто феодального института византийский писатель страшился как крушения древних традиций, относя торжество новых (феодальных) порядков к числу «еще более тяжких зол, которые нам угрожают»⁴². Любопытно отметить, что как раз в то время, когда писал Хониат, на Западе, в Болонье, студенты университета штудировали классическое римское право.

Это право сложилось в период рабовладельческих отношений. Но поскольку раб являлся не субъектом, а только объектом права, задачей теории римского права становилось оформление порядка эксплуатации свободных лиц в условиях договоренности юридически равноправных сторон. Собственность при этом признавалась как неограниченное и вещное право (К. Ю., VII, 26). Именно в этом аспекте римское право и является элементом, **зародышем** капиталистического правосознания. Обратная сторона того же права — его бесчеловечные законы о рабах, жестокие антидемократические положения о всевластии в автократической монархии, нормы, практически делающие невозможным развитие общества «равноправно договаривающихся сторон», провозглашаемого в теории. Теория римского частного права потребовалась буржуазии лишь через многие столетия, практика же жизни той эпохи вела к конституированию феодальных форм отношений между собственниками и зависимыми от них людьми. Развивавшееся с IV в. постклассическое право отражало тенденции перехода к феодализму, но тем

не менее в нем сохранялись, хотя по большей части уже лишь в теории, и те нормы классического права, которые отражали элементы намечавшихся, но не ставших решающими закономерностей развития, и они тормозили складывание законченных форм феодализма в Византии⁴³.

Возникает поэтому вопрос, почему же элементы, напоминающие капиталистические, играли роль тормоза на пути прогресса в ту эпоху. Ведь в Византии они воспринимались уже как традиции «великого прошлого», как «старина». Византийская империя представляла собой в то время «молодой» социальный организм в стадии его перехода к феодализму. «Молодой, растущий социальный организм,— говорит Л. И. Брежнев,— в котором не все еще устоялось, много несет отпечатков прошлых исторических эпох... Его развитие идет через борьбу нового со старым, через разрешение внутренних противоречий»⁴⁴.

В эпоху Юстиниана и последующий за ней период, несмотря на рост и упрочение новых явлений в производственных отношениях, византийцы, напротив, гордые еще отчасти сохранившимся античным культурным наследием, упрямо цеплялись за то римское классическое частное право, которое практически было уже неприменимым и отнюдь не содействовало преодолению пережитков старого. Они старались при этом искусственно увязать и новые формы производственных отношений, и новую идеологию с древней, отжившей юридической теорией. Византийские юристы, охраняя древние достижения юриспруденции, не сумели полностью отбросить все те нормы права, которые не отвечали новому рождающемуся строю. Вплоть до конца существования империи в ней так и не была создана стройная система своего, феодального права.

В заключение коротко обобщим сказанное по вопросу о том, в чем же заключалось кажущееся противоречие между действительной приемлемостью римской юридической теории для капитализма и резкой противоположностью рабовладельческой формации (породившей это право) капиталистическому строю. Мы считаем, что суть дела заключалась в своеобразии путей развития самого рабства в Римской империи. Развитие производства привело к тому, что раб (первоначально, в условиях патриархального рабства — член «фамилии») стал превращаться как бы в домашнее животное, стал вещью (*Quod attinet ad jus civile, servi pro nullius habentur.*— *Ulpian. Dig. 50, 17, 32; Dig. 15, 1, 41*).

В отличие от стран Востока, раб в Риме признавался лишь объектом права, и поэтому все нормы частного права регулировали отношения только свободных и якобы юридически равных лиц. Отсюда и некоторая общность классического и капиталистического права. Но поскольку правом стремились регулировать и порядок управления, и охрану личности, и отношения лиц друг с другом и другие стороны жизни, постольку эти нор-

мы классического права можно рассматривать как проявление зачаточных элементов капиталистических отношений.

Все общественные явления развиваются во времени по зигзагообразному, спиралевидному пути. Дать окончательную дефиницию такому явлению можно только при достижении им зрелой стадии развития. Разумеется, сами современники не сознавали того, что в античном Риме существует эксплуатация человека человеком. Они полагали вполне естественным, что каждый при стремлении к наживе делает это за счет другого (конечно, через «добровольное соглашение»). Лишь марксизм в новое время дал научное объяснение сущности этой эксплуатации и значения той связи рабства с классическим римским частным правом, которую она сыграла в истории человечества.

Цель нашей статьи, таким образом, состоит в попытке объяснить, почему основы римского частного права оказались приемлемыми для Наполеона в начале XIX в., но были неприемлемы для Константина Великого в начале IV в. Ответ может заключаться, по нашему мнению, в том, что в Римской империи существовали в **зародыше** такие элементы в производстве, которые уже предвосхищали, хотя и в **зачаточной** форме, элементы капиталистического способа производства. Именно в соответствии с этими зачаточными элементами (в условиях, когда лишь свободные были субъектами права) талантливые римские юристы создали такое право, которое в его основе оказалось утопией для античности, но вполне (в главных чертах) отвечало потребностям французской буржуазии начала XIX в.

Такая трактовка, на наш взгляд, позволяет понять и ту высокую оценку, которую давали в своих трудах классики марксизма исторической роли римского частного права. В дополнении к труду «Анти-Дюринг», в статье-брошюре «Развитие социализма от утопии к науке» (потом она была включена в основной текст «Анти-Дюринга») Ф. Энгельс писал: «Заметим мимоходом, что наемный труд, в котором уже содержится в зародыше весь капиталистический способ производства, существует с давних времен; в единичной случайной форме он существовал в течение столетий рядом с рабством. Но этот зародыш мог развиваться в капиталистический способ производства только тогда, когда были созданы необходимые для этого исторические предпосылки»⁴⁵.

Систематизация римского права в Кодексе Юстиниана и сохранение этого права в западных университетах явились важным фактором для правового оформления развивающегося капитализма, который оставался прогрессивным общественным строем вплоть до середины XIX в., когда «Манифест Коммунистической партии» указал новые пути развития человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 181.

² В буржуазных энциклопедиях по классической древности утверждалось, что в древнем мире капитал был вполне развит. К. Маркс, критикуя Моммзена, считает это «неделимым утверждением» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 178, пр. 39).

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 412.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 181.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 731.

⁶ Мы считаем недопустимым функции государства — управление, регулирование отношений людей, охрану страны и подданных отождествлять с верховной собственностью (Штаерман Е. М. Древний Рим. М., 1978). К. Маркс и Ф. Энгельс иронически отзывались о подобном смещении (Соч., т. 3, с. 353). Все мероприятия власти относительно собственности проводились из принципа: «для государства важно, чтобы никто не использовал свою вещь вредно» (Инст. 1, 8, 2).

⁷ Как пережиток родового обычая римское классическое право вводило серьезное ограничение полной собственности совершеннолетних детей подданных (*commercium*). Но позднее был введен *peculium castrense* — служащие в армии могли иметь самостоятельное имущество, не зависящее от отца.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 105.

⁹ Право свободной торговли (*commercium*) имели все свободные римляне, провинциалы, перегрины по *ius gentium* («купцы из наших провинций, которых занесла во вражескую землю свобода торговли *ius commercii*, жажда наживы...»). — Тацит. Анналы, II, 62). Широко распространенным в Римской империи было ростовщичество, которое, однако, не содействовало развитию хозяйства, а скорее вело к его развалу. Впрочем, существовало и вложение денежных средств в оптовую морскую торговлю. В отличие от ростовщичества, оно стимулировало развитие экономики и могло создавать денежное богатство.

Петроний в «Сатириконе» высмеял, но ярко показал все виды предпринимательства: «Уже маячил миллион (доходов), но свихнулся бедняк» (Сатирикон, 38). Некий Тримальхион отправил с целью торговли 5 кораблей, но они погибли. Тогда, собрав все свои пожитки, он снарядил 5 кораблей и разбогател (Сатирикон, 76).

Предприниматели строили дома (*insulae*) для извлечения дохода от квартирной платы. О крупных богатствах от предпринимательства отпущенников нам известно из надписей (Белова Н. Н. Рабство в западных провинциях Римской Империи I—III вв. М., 1977, с. 106). Данные надписей и папирусов дают представления о предприятиях по производству стеклянных товаров, полотна, шерсти, ковров (см. эдикт Диоклетиана о ценах).

Во внешней торговле предприниматели старались приобрести янтарь на севере, а за предметами роскоши организовывали караванные сообщества на востоке. Крупным предпринимательством можно считать и поставку диких зверей для зрелищ, поскольку на это правительство, городами и отдельными лицами расходовались колоссальные деньги.

Предпринимательство оформлялось или как *unius negotii*, или *guaeustus* (в отношении предприятий, дающих постоянный доход); термином *quaestuosus* обозначался предприимчивый человек. Составлялись многочисленные *societates* — товарищества (Инст. 3, 25, Диг. 17, 2). Предприятия аграрного порядка сочетали использование рабства как в производстве, так и в управлении (виллики) с наемным трудом и арендой по соглашению.

Наибольшая аналогия с капиталистическим сельским хозяйством по К. Марксу обнаруживается в Карфагене и Риме, в Сицилии встречались «арендаторы», по словам К. Маркса, в современном значении слова» (Соч., т. 25, ч. 2, с. 350).

Масса лиц занималась предпринимательством: «На море больше людей, чем на земле! и флот приплывает куда бы ни манила прибыли жажда» (Ювенал, XIV, 275—278).

Мы не можем согласиться с теми исследователями, в том числе с М. Финли (1973), которые, изучая античность, полностью **отбрасывают современные экономические категории**, например понятие предпринимательства. На наш взгляд, такая позиция ведет к отказу от необходимости изучать любое явление в движении и развитии. Адекватное раскрытие сущности явления возникает только при его изучении на стадии полного развития. Особое «предпринимательство» было распространено в империи в целях продвижения по социальной лестнице, как и для получения возможности к дальнейшему росту богатства; это путь служения прихотям и тщеславию сильных, подхалимство и доносы. Ср. Лукиан, т. 2, с. 629 (о карьере бедного философа). Этот вид «предпринимательства» сохранялся столетиями от республики до гибели Константинополя. Такое «предпринимательство» имело дело с торговлей невещественными ценностями — честью, совестью, наукой. Такой вид «предпринимательства» в его классическом выражении развивался в наше время в странах буржуазной «демократии».

¹⁰ О создании в Риме крупных денежных капиталов К. Маркс говорил: «В ходе римской истории они (свободные крестьяне.— М. С.) были экспропрированы... это влекло за собой образование **крупных денежных капиталов**» (Соч., т. 19, с. 120). В древнем Риме «купеческий капитал, денежно-торговый капитал и ростовщический капитал достигли — в пределах античных форм — высшего пункта развития» (Соч., т. 25, с. 142).

¹¹ «Ни одна сделка не может считаться законной, если не было соглашения» (Диг. 2, 14, 1, 3 — *conventionem*).

¹² Рабы (с соизволения господина) могли принимать активное участие и в крупных коммерческих сделках, несмотря на сохранение своего статуса. «И в этой ситуации фактически различие между рабами и свободными предпринимателями теряет свое значение». (Шифман И. Ш. Сирийское общество в эпоху принципата. М., 1977, с. 128, ср. Диг. 45, 1, 122, 1).

¹³ Во всех предприятиях учитывались *lucrum* (доход) и *damnum* (убыток), которые и определялись согласно размеру вложенных сумм денег. Иногда выполненная в предприятии работа засчитывалась как вклад денег (Инст. III, 25, 2).

В Римской империи наблюдался известный прогресс по сравнению с классической Грецией. Если в греческих источниках мало говорится о ценах производимых продуктов, и греков интересовало лишь обилие потребительских стоимостей, а не меновая стоимость, то Диоклетиан указал в своем эдикте о максимальных ценах именно на покупную цену, а римские историки постоянно писали о борьбе против дороговизны хлеба (Либаний, Прокопий — Тайная История).

¹⁴ Диг. IV, 4, 16, 4 Ульпиан: *in pretiis emptionis et venditionis naturaliter licere contrahentibus se intervenire. Dig. 19, 2, 22.* Указания на справедливую цену (*iustum pretium*) встречаются в папирусах. (См.: Таубenschlag R. The Law of Greco-Roman Egypt. Varschawa, 1955, p. 330).

¹⁵ Граждане делились на *testabiles* — достойных доверия, имевших состояние в 50 золотых монет (Диг. 48, 2, 10. Гермодиан), и недостойных доверия. (Ср.: Palagean E. Pauvreté économique ou pauvreté social à Byzance 4—7 siècle. Paris, 1977).

¹⁶ «Наемный труд, в котором уже содержится в зародыше весь капиталистический способ производства, существует с давних времен; в единичной, случайной форме он существовал в течение столетий рядом с рабством». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 282).

Положение античного Рима как центра колониальной системы товарного обращения той эпохи стимулировало развитие предприятий, напоминающих мануфактуры.

¹⁷ Хотя разделение труда в докапиталистических формациях сводилось в основном к ограничению профессий в ремеслах, а не к разделению функций внутри мастерских, тем не менее внутреннее разделение труда существовало и в Римской империи, особенно в морской торговле и в кораблестроении. Григорий Нисский описывает постройку корабля как работу с применением внутреннего разделения труда: «Кораблестроитель покупает дерево за деньги,

делит на части производство работ, один пилою распиливает дерево в доски, другой строит подводную часть корабля, у кого забота о мачте, у кого о киле, одни выют канаты...» и т. д. («О Судьбе». Творение Св. отцов. М., 1861, с. 166). Корабль всегда служил и для рыбной ловли, и вообще для предпринимательства. В мануфактуре, как говорил К. Маркс, разделение труда состоит в том, что «частичный рабочий не производит товара» (Маркс К. Капитал.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 367). Римское право, на наш взгляд, было вполне приспособлено для мануфактуры (Locatio-conductio operis) — учитывался не труд личности, но организация выполнения законченного предмета — аrotelesma — подрядчиком (Диг. 45, 1, § 8, 20—21; 19, 2, 36). Насколько развита была такая «мануфактура» в строительстве в античном Риме, видно из законов Зинона (К. Ю. VIII, 10, 12). (Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 191).

Узкая специализация и разделение труда широко применялось и в Римской империи. «В IV—V вв. в мастерской серебряных дел даже **маленькие серебряные сосудики изготавливались многими людьми**». (Зеест И. Б. Зеест. Ремесло. — В кн.: Античная цивилизация. М., 1973, с. 174).

¹⁸ Нельзя сказать, что наука не имела значения в Древнем Риме. «Машина в ее элементарной форме завещана была еще Римской империей в виде водяной мельницы» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 361, пр. 43). У Петрония: «Наука — это клад, и искусный человек никогда не пропадет». «Посмотрите на Филефона — если бы он не учился, давно бы с голоду подох» (Сатирикон, гл. 46). О важности астрономии для ведения сельского хозяйства сказано у Плиния Старшего (XVIII, 207, 284).

¹⁹ Анархия производства, по Ф. Энгельсу, характерна **«для всякой частной собственности... при дальнейшем развитии производства и обмена...»** (Соч., т. 20, с. 167) (подчеркнуто мной. — М. С.).

²⁰ Патриотизм античного Рима был связан со стремлением к единству господствующего класса в целях обеспечения экономических интересов и централизации. Так, все сенаторы провинции по распоряжениям Траяна и Адриана должны были покупать землю в Италии, чтобы считать Рим и Италию своей родиной (Плиний Мл., 6, 19, 4). Что же касается широких масс, то рассеяние мелкой собственности ветеранов с их привилегиями, естественно, укрепляло значение такого патриотизма как опору центральной власти. Предоставление гражданства всем свободным провинциалам в 212 г., с одной стороны, укрепляло патриотизм, противопоставляя гордых римлян презренным «варварам», с другой стимулировало влияние местных интересов и рост центробежных тенденций. Там не менее римское влияние оказалось сильнее. Слово «римлянин» стало наименованием наднациональной общности: так именovali себя и свое государство византийцы до гибели империи (1453).

²¹ Особой критике подвергались нравы всего римского общества у Ювенала. Поскольку статистических данных не имеется, постольку сведения из сатирической художественной литературы могут, на наш взгляд, служить материалом для общих выводов вернее, чем единичные данные надписей и папирусов. С точки зрения социально-экономической, особенно язвительно критикуется общественный строй империи Петронием в «Сатириконе» (в «Поэме Эвмолпа», гл. 119): «Стал продажен народ и отцов продажно собрание, любит на деньги толпа, исчезла собственная доблесть, рост баснословный процентов, в войско идут бедняки — ищут богатство в крови...». Резко критикуется и внешняя политика: «Римлянин — ненасытен... Суда, нагруженные войсками, рыщут по морю, — ищут богатства...» (сходные явления имели место и в деяниях европейской буржуазии XIX—XX вв.).

²² «Однако одного только наличия денежного богатства и даже достижения им, в известной мере, господства отнюдь недостаточно для того, чтобы произошло это **превращение в капитал**. В противном случае Древний Рим, Византия и т. д. закончили бы свою историю свободным трудом и капиталом или, вернее, начали бы тем самым новую историю» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, 1, с. 497).

²³ Нельзя трактовать античных наемных рабочих как класс (несмотря на его организованные выступления и «забастовки»). По К. Марксу, класс

наемных рабочих возник во второй половине XIV столетия (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 748). См.: Сюзюмов М. Я. Трудовые конфликты в Византии. Византийские очерки. М., 1971, с. 64 сл.

²⁴ «Только в **крупной** промышленности человек научается заставлять **продукт своего прошлого**, уже **овеществленного труда** действовать в крупном масштабе даром, подобно силам природы» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 399).

²⁵ «Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющие их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; — развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; — «перерывы постепенности»; превращение количества в качество; — внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества; — взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь *всех* сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения, — таковы некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычное) учения о развитии» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 55).

²⁶ ... iure naturali omnes homines liberi nascuntur. Ulpianus. Dig. 1, 1, 4... servitus autem est... quia quis dominio alieno contra naturam subicitur (Inst., 1, 3, 2).

²⁷ Так, Сенека считал, что все изобретения — дело рук не ученых, а рабов: «Все это придумано теми, кто занят этим... зеркальные стекла, пропускающие дневной свет через прозрачную чечевицу, трубы, по которым проходит тепло, о мраморе, которым сверкают дома..., о значках, слово за словом подхватывающих сколь угодно быструю речь» (стенография)... «Все это придумано ничтожными рабами...» (письмо Люцилию 90, 24—25). Конечно, Сенека имел в виду не закованных в цепи рабов в производстве.

²⁸ Уже Плиний Старший считал убыточным рабовладельческое поместье: «Нет ничего **убыточнее наилучшей обработки земли**» (18, 36), «но она может быть и неубыточной, если поселянин обработает землю сам с семьей» (18, 38).

²⁹ Против попыток задержать арендатора после истечения срока аренды высказывались император Адриан (Диг. 49, 14, 3, 6) и особенно Гордиан в 244 г.: *invitos conductores seu heredes eorum post tempora locationis impleta non esse retinendos saepe rescriptum est*.

³⁰ К. Ю. IX, 47, 12 — *Vana voces populi non sint audienae...*

³¹ Максимальные нормы касались и размеров **заработной платы наемных рабочих**. Характерные аналогии к этому приведены К. Марксом из декретов 1344 г. в Англии и из статуса Елизаветы: суровые наказания грозили тем, кто нарушает постановления о предельной **высоте** зарплаты (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 748—749).

³² Это явное ограничение «свободной договоренности» при сделках. В юридической литературе встречаются попытки доказать, что последняя фраза у Павла (Диг. 19, 2, 22, 3) является позднейшей вставкой, так как в Диг. IV, 4, 16, 4 этой фразы нет. Можно, однако, отметить, что и в других местах купля-продажа часто приравнивалась к локации (Диг. 41, 3, 21: *in venditione idem iuris est quod in locatione*). Что это поздняя вставка (т. е. сделанная уже после Диоклетиана), вполне возможно: *Mayer-Maly Th. Locatio-conductio*. 1956, S. 66. В классическом праве отмечаются попытки путем принудительного патронажа подчинить себе свободных собственников. Закон это запрещал (Павел. Диг., 50, 17, 69 — *invito beneficium non datur*).

³³ Вера в истину божественного предопределения стала выше классического «естественного права», что создало потенцию к беспрекословному примирению со своей ролью эксплуатируемого; фактически тем самым полностью отвергалось положение права о «свободной личности».

³⁴ Византия не знала такого упадка культуры, как на Западе, поскольку элементы, подобные капиталистическим, проникли более глубоко и сохранились здесь при дальнейшем развитии права. Но нигде на Западе не было

столь сурово преследование язычества, как в Византии. По Евagriи и Иоанну Эфесскому, вспыхивали грандиозные восстания плебейских масс городов против остатков язычества, в основном — против рабовладельческой знати, против судей. Император обрушился на восставших жестокими преследованиями. Можно сказать, что народные массы вели борьбу против господства рабовладельческой знати под предлогом борьбы против остатков политизма. **Rochow J.** Die Heidenprozesse unter den Kaiser Tiberius II.—In: Studien zum 7—9 Jh. in Byzanz. В., 1976, S. 120—130).

³⁵ **Сюзюмов М. Я.** Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV века.—Учен. зап. Урал. ун-та, 1952. А. П. Дьяконов (Византийские димы и факции в V—VII вв.—Византийский сборник. М., 1945) относит начало политических выступлений димов к более позднему времени, имея в виду полное отделение «димов» от «факций» и их отход от спорта. Ср.: **Cameron A.** Demes and factions.—BZ, Bd. 67, 1974, S. 74—91; **Winkelman F.** Zur politischen Rolle Bevölkerung Konstantinopel von drei nachjustinianischen Zeit.—In: Studien zum 7 Jh. in Byzanz, S. 101—119.

³⁶ По Феодану, правление дима организовывало коллективные возгласы политического характера, в ответ на которые мандатор отвечал за императора (Theophanes, ed. de Boor, p. 183—184).

³⁷ Как понимать термин *politeuesthai*? Полагаем, что для этого не стоит страшиться «модернизации», а понимать просто: «заниматься политикой», как мы говорим о современных партиях. В те времена запрет *politeuesthai* понимался именно как запрет выступать на «политиях» от имени партии дима.

³⁸ Ряд конституций и новелл Юстиниана отражают как будто его стремление помочь бедноте добиться через суд справедливости против знати и чиновников (Nov. 8, pr.; 85, pr.). Эти положения его распоряжений можно объяснить попыткой направить их борьбу на путь лишь легальных методов поисков справедливости. Но и легальная борьба могла превратиться в революцию, поэтому Юстиниан новеллой 80,3 решительно запрещает крестьянам приходить в Константинополь с жалобами **многочисленным группам**.

³⁹ «Старая сенатская аристократия в VII в. исчезла» — **Jannopulos P.** La societe profane dans l'empire byzantine des VII—IX s. Louvain, 1975, p. 14. Автор считает только крестьянскую общину в то время прочной социальной группой, элитой общества признает чиновников военных властей, ростовщиков и более крупных торговцев. Впрочем, согласно новеллам Ираклия 612, 619, 620 гг., на первое место в судах выдвигается духовенство (**Липшиц Е. Э.** Право и суд. М., 1979, с. 194).

⁴⁰ «Константинополь — это золотой мост между Востоком и Западом» (**Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 9, с. 240). От своего основания вплоть до начала XIII в. он неоспоримо занимал первенство в морской торговле и кораблестроении (**Ahrweiler H.** Byzanz et la mer. P., 1966, p. 117; **Удальцова З. В.** Византия и Западная Европа. Виз. очерки. М., 1977, с. 45—46).

⁴¹ Положение о том, что при сделках **естественно** обманывать другого — *perigrafein allasotas*, сохранилось и в Византии (Василики, X, IV, 16).

⁴² Никита Хониат. Мануил, VII, 4.

⁴³ Насколько прочно при сохранении норм Римского права укоренились в Византии элементы, подобные капиталистическим, можно видеть из того, как туго входили в практику в Византии даже в X в. те узаконения Константина I, которые путем указов о прикреплении колонов фактически оформили феодальный способ производства. Судя по новелле Константина VII Багрянородного (Jus., Zach.-Ling. III, p. 266), приобретаемые крупными землевладельцами имения обрабатывались не закрепощенными колонами, но сдавались либо по соглашению с «приходящими лицами», либо за плату наемникам: *edexanto paroikein aite theteuein*. Эти принимаемые из «жалости присельники» стали впоследствии «париками» на положении старинных колонов — приписных. Происхождение термина «парик» связано с пришельцами, поселявшимися некогда на церковных землях.—Нов. Зав. Петра. I, II, Нов. Юст. VII, пр. I, 435 и Нов. 120, 1, 535.

⁴⁴ **Брежнев Л. И.** Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 13—14.

⁴⁵ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 20, с. 282.